

Футбол на даче / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Футбол на даче / рассказ ФУТБОЛ НА ДАЧЕ

Дом посреди луговины на легком склоне. По колено колосья – тимофеевка, лисохвост – и, дерниной, ковыль. Хожу, трогаю за хохолки. Мы только что приехали: он первый раз в этом сезоне, а я первый раз вообще. Я впервые на даче у своего мужчины.

Зеленая грива – волнами на ветру. Он звонит маме в Москву: за месяц – травы по пояс, надо косить. За месяц – это за май: сегодня тридцатое число.

Надо принести сумки в дом и переставить машину. Наши покупки простые, хозяйственные в основном: брикеты угля, опрыскиватель, шланг, посуда... Ветер разматывает рулон бумажного полотенца. Догоняю, сматываю обратно. Спасла.

Разглядываю дом: в два этажа, из бревен, некрашенный. С улицы кажется очень большим – а всего-то шесть спален и гостиная. Дом построили для мамы, но она этим летом в Москве. Купили сруб, нашли на строительном рынке бригаду, собрали. Подвели септик под летний водопровод. Заодно поставили баню, беседку, выложили патио для мангала. Дому передалась сила братьев и что-то чудесное от близкого старого леса, неистовых птичьих хоров за окном – он вознесся, восстал посреди луговины, со всей своей благостью. Эко. Одно только дерево. Внутри и снаружи. Стены, мебель, люстры, часы – все деревянное. И пластмассы тут не будет никогда.

Между бревнами свисает пакля, клочьями. Особенно густа бахрама наверху.

– Синицы. Воруют на гнезда – она же натуральная. Представляешь, какая сила у птички? Молотком паклю вбивали, когда строили. Первый этаж я сам антисептиком проливал, а второй поручил рабочим – заметила разницу?

– Я думала – ветер.

– Пусть таскают... Не жалко... Вон, полетела одна. У них гнездо под крышей.

– Никогда не видела столько птиц.

Он приглашает осмотреть владения. Переобуваюсь в дачные кеды, следуя за ним в дозор. Все цело после зимы. Гостей непрошенных не было.

– Где лучше бассейн поставить? – Он ходит по участку с рулеткой, замеряет здесь, там...

К дому пристроено крыльцо, перила с балясинами, с шарами по углам. Любуюсь – красивое. Как перед теремом. Однако он недоволен.

– Переделывать? Зачем?

– Чтобы чай пить. И чтобы две лесенки, с обоих углов. Удобнее будет.

Неподалеку от калитки люк колодца, но из него ушла вода.

– Надо заглублять.

«Надо, надо». Штук двадцать «надо» на даче.

В углу, за кустами сирени, еще один домик – старая дачка, шестидесятих годов. По сравнению с новым домом выглядит крошечной. Когда-то дачка была нарядной – медно-рыжей, с белыми расстекловками. Теперь махагон угас, обтрепался ветрами, смылся дождем.

Дверь не заперта, из дачки – стеной – запах затхлости, сырости.

– Картошку где-то забыли, сгнила... – он принюхивается, лезет в кладовку. – Так и есть.

– Выкинь.

Он распахивает окна настежь.

– Какие комнатки маленькие.

– А раньше казалось – просторно...

– В детстве все просторно.

Посреди, в осыпи камней, разломанная наполовину печка. Обои в потеках, в комнатах пусто, лишь в одном углу штабели книг. Брюсов, Тэффи... Вытаскиваю «Наружную рекламу» Кнорра.

– Надо отсюда убрать. – Серая пыль на корешке как бархат, вытираю влажной салфеткой. – Если покрасить пол, потолки, поклеить обои, плохой запах уйдет.

– Зачем? Есть новый дом. Этот – под склад.

Он травит «Рейдом» мух на веранде. Зажужжали тонко, забились,

повалились сором на подоконник.

– Покажи биотуалет. Хочу купить своим дачникам.

– Сорри, не такая вещь, чтобы одалживать... Электрический. Видишь, здесь помпа.

Переписываю название. Поищу в интернете.

Брожу по участку, дивлюсь: везде, во всех постройках филенчатые двери. Даже в хозяйственном сарае, даже в уборной. Ровный свежий забор. Порядок.

По границе участка полыхают синькой ирисы. Каре клубничных грядок. Малина вдоль рабицы. Кусты спиреи. У калитки – шиповник. Пионы, розы, метелки аспарагуса. Мелочь: настурции, маргаритки. Засохшие, растрепанные головки черных тюльпанов. Вся подмосковная флориальная мода.

Даже с вывертом. Посреди двора – пирамидкой пихта. Вокруг брусника, верески, хвойники, валуны – альпийский садок. Странно и красиво посреди луговины.

– Это мама увлекается. Я ей даже из Никиты растения привозил. Он выносит кушетку из нежилой комнаты, ставит на солнце между яблонь.

– Отдыхай.

Устраиваюсь на диванчике. Он фотографирует, говорит: «В „Одноклассники“». Уходит в дом смотреть футбол.

На старой, отслужившей кушетке я чувствую себя как в колыбельке, как в ореховой скорлупке – Дюймовочка. Отправляю в рот леденец, открываю Тэффи. Томик пахнет сараем. В старой дачке полно хороших книг, хватило бы на год жизни. Редкий шмель подлетает ко мне. Говорю – кыш! Улетает.

Со всех сторон раздаются летние дачные звуки. Стрекотанье циркулярной пилы, хруст ломаемых веток, досок, причмокивание метлы, тарахтенье мотора вдали. Взрезают воздух сразу несколько газонокосилок – у ближних соседей, у дальних... Долетают высокой нотой детские голоса и хлопки. Легкий пустотелый стук и тугие удары мяча с соседнего двора. Волнение, шелест ветвей. Шумы накатывают и отступают, будто волны; колышутся в жарком воздухе, как в глицерине, вязнут и гаснут в нем.

Пила взвизгнула, свистнула в железные зубы – и замолчала; и

сразу кукушка, как заведенная, выражает любовь ко всему миру. У соседней кричат: «Няня, няня!» Лает собака. Вступает еще один триммер. Московские дачники борются с луговинной, будто англичане. Если у англичанина зарастает газон, его участливо спрашивают – у вас что-то случилось? Значит, горе, беда, раз не стрижет.

На мой диванчик напозла тень от яблони. Просителем иду в дом. Там полумрак, прохлада, в телевизоре гоняют мяч. Финал «Лиги чемпионов». Он сосредоточенно смотрит в экран.

– Здесь бывает реклама?

– А что? – он даже не поворачивает головы.

– Переставь мне кушетку.

– Полежи пока на качелях. Через десять минут перерыв.

Но качели тоже в тени. Гуляю меж грядок, жду перерыва. Под ногами трилистники клевера с белыми макушками. Врассыпную – бордовые, похожие на ромашки цветы – такие мы носили в школу на Первое сентября. Жирные листья заячьей капусты, в тени у стен – лопасти подорожника.

Рядом по взгорку бежит лента фундамента старой теплицы. На нее выползают погреться ящерицы. Их ловит соседский молодой кот. Откладываю книгу, наблюдаю.

Пью кока-колу из ирландского бокала-тюльпана. Кончилась. Теперь можно разгрызть льдинку со дна. Сняла заколку, зацепила за спинку кушетки. Совершенно безмятежный день.

– Куда тебя переселить?

– К можжевельникам.

Через минуту я на новом месте. Бонбоньерка с леденцами, книга. Она смеется над жизнью, Тэффи. Мне бы хотелось рыдать – если об этом писала бы я.

Через два часа томик дочитан. Чем заняться? Сад-и-огород исходила, как Жак Паганель. Пыльный Брюсов из старой дачки не прельщает. В ноутбуке есть несколько фильмов, в плеере – музыка, но все это в доме, в спальне на втором этаже. Три десятка шагов, но солнце приклеивает к покрывалу, распластывает, плавит порывы.

Триммеры стихли. Теперь сквозь открытые окна – звуки футбольной трансляции, мирный мужской монотон. Лакмус

счастливой жизни. Неожиданно он срабатывает магнитом: я встаю и иду.

В прихожей – неприбитое зеркало, новое: прислонено к стене. Чтобы посмотреться в него, нужно пригнуться. Разглядываю первый загар: я уже розовая, словно завязь красного яблока. Он замечает движение.

– Как ты там?

– Хорошо.

На экране знакомое лицо футбольного комментатора. Неделю назад мы сидели все вместе в ресторане и пили вино, закусывая пхали. Болельщики любят дружить со спортивными журналистами.

– Кто его выпустил в кадр в этой рубашке? Посмотри, как стробит!

Он берет пульт, нажимает на кнопку. По полю снова бегут фигурки. «Удар-р-р... гол!!!»

Футбол – святое дело для всякого мужчины. Если мужик пропускает футбол, значит, что-то совсем разладилось в его жизни. Как у англичанина, который перестал стричь газон.

– Пойду еще позагораю.

Пятнадцать соток. Немало для участка, выделенного в шестидесятые годы неноменклатурному человеку. Их деду. За день я изучила их все, шаг за шагом, цветок за цветком; помню все наизусть, как кошка знает каждую травинку хозяйского сада. Мыльнянка... Вероника дубравная... Лысины одуванчиков – красивые, как с картины Вайта. Замерев, долго разглядывала. Картинка останется со мной, насколько хватит памяти: стебли колышет ветер, сфотографировать невозможно.

Через распахнутое окно видны ходики с головой оленя. Охотничьи. По стилю судя, немецкие, послевоенные. Гиря-шишка качается, стрелка ползет круг за кругом. За долгие часы я слилась с этим садом, стала одним из его растений.

Футбол длится вечно. Трансляции матчей идут нон-стоп, одна за одной. Еще бы: спортивный канал.

Я не отвлекаю.

У меня полно своих дел.

Я завязь красного яблока, мне нужно зреть под солнцем. Я клевер, я жду редкого шмеля. Я клубника, я не должна вырасти

кислой. Я молодой кот, мне хочется сцапать вкусную ящерицу. Я скользкая ящерица, мне надо вовремя заметить кота.

Я куст можжевельника из Никитского ботсада, я должна прижиться на чужой земле.

Во дворе не осталось солнечных мест, его покрыла тень от дома. Устраиваюсь с другой стороны, у калитки. Расстилаю детское одеяльце, сажусь, расстегиваю застежку лифчика. Никто не видит. Последнее солнце.

...Ночью натыкаюсь в постели на гусеницу, визжу стеклянно, трясу изо всех сил одеяло.

– Господи, что с тобой?

Вспыхивает свет. Гусеница, травянисто-зеленая, жирная, стремительно изгибаясь, шагает по половице. Уматывает в щель. Я ее не задерживаю. Я и есть эта гусеница. Эти половицы и этот дом.

Об авторе: ЕВГЕНИЯ ДОБРОВА

Писатель, поэт, переводчик с польского. Окончила Литературный институт им. Горького. Свыше десяти лет работала литературным редактором в СМИ. Автор книг «Персоны нон грата и грата» (издана в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»), «Угодья Мальдорора», «Чай» и других. Дважды стипендиат министерства культуры России. Стипендиат министра культуры и национального наследия Республики Польша по программе *Gaude Polonia*, учрежденной для молодых деятелей искусства, имеющих значительные достижения в своей стране. Стипендиат Варшавского университета по программе *Artes Liberales* в области литературоведения. Член Союза писателей Москвы, член международного ПЕН-Клуба. *Neкаýalar*